

*Назарова Анна,
ученица 8 класса
СОШ № 33 г. Чебоксары*

НАЗАРОВА АННА КОНСТАНТИНОВНА

Анна Константиновна Назарова (23 октября 1922 г.) На днях из новостей мы узнали, что в Подмосковьё уже началась репетиция военного парада к 9 мая. Вот уже 69 лет этот день становится для всех россиян праздником великой Победы – победы мира над силами зла, над войной и тяжкими лишениями миллионов простых людей. Праздником «со слезами на глазах». Не исключение и наша семья: в этот праздник, по семейной традиции, с самого утра с цветами мы поспешим к нашей дорогой прабабушке – Анне Константиновне Назаровой. В этом году ей исполняется 92 года, но она всегда встречает своих детей и внуков ласковой улыбкой, в хорошем настроении. А 9 мая – еще и при «полном параде»: в нарядном платье, на груди красуются медали «За доблестный труд в ВОВ», «Ветеран труда» и шесть юбилейных. Конечно, в такой день звучит много поздравлений и пожеланий, смех и песни.

А для задушевной беседы выпадают редкие вечера в будние дни. Не очень любит бабушка вспоминать те тяжелые годы, когда пришлось ей, молодой девушке, выживать, преодолевать голод, холод, бессонные ночи. Но уж если начнет она тихим голосом рассказывать о своей жизни, все замирают. Вот и вчера Тимур упросил её рассказать о войне. А я тихо включила диктофон:

«...Родилась я в деревне Ульянова гора Тверской области в семье крестьян – Константина Петровича и Евдокии Ивановны Луковкиных. Семья жила очень плохо, бедно. Скотины никакой не было. Я была старшей из четверых детей. Кушать, порой, было нечего, – хлеб, капуста да картошка. Начальную школу в деревне закончила, а после шести классов жила у тети в п. Сонково. Восемь классов окончила там же. А потом выбор у меня был невелик: только педагогический и медицинский техникумы в городке Бежецк. Я попала на акушерское отделение, закончила его, и в семнадцать лет уже начала работать. Получила комсомольскую путёвку в Архангельскую область. Север ведь большой, но малонаселённый. Ну, как нас распределяли? Кто посмелее, те в Архангельске остались, а мы, три девушки-одногодки, попали в Молотовск. Северодвинск, так он сейчас называется, – город в котором и теперь стоят субмарины. Вот этот город мы и начинали строить. Ну, попали, так попали – рядом зона, где сидели заключённые. Город расположен на болотах. Вокруг Белое море. Попутно велось строительство завода. Молотовск был закрытым: свободно туда было не попасть, только по направлениям. Мы не знали, чем занимаются другие, – кто в земле копается, кто на дне морском копает что-то. На улицах дороги – настилы деревянные, если в сторону шагнёшь, то по колено можно увязнуть в грязи. Население – моло-

Назарова А.К.

дежь: от 17 до 40 лет. Работу нам дали сразу в роддоме, в одном отделении так все втроём и работали. Я лично приняла более сотни новорожденных детишек! Сначала жили при больнице, спали по двое на кровати. Школу вскоре построили, а учить в ней некого пока, – вот всех и отправили в эту школу жить, сделали общежитие. В комнатах стали жить по 8 человек, дружно. Половина девушек на работе, половина – отдыхает. Мы очень скучали по дому, родителям. Ждали отпуск, как раз было лето... А вместо отпуска – началась война! Я дежурила в ночь – с 9 вечера до 9 утра. Вечером, как обычно, все гуляли на Заливе. Смена наша прошла нормально. А пришла смена утром, и говорят мне: – Аня, ты слышала?! Война! – Нет, не слышала...

Да в больнице и радио-то не было. Как-то особенно мы не реагировали на это известие: не бегали, не прыгали, не плакали. Недавно закончились бои то на востоке, то с финнами. И о новой войне разговоры были... Мы просто восприняли это как должное. Считали, что месяца три повоюем, и всё кончится. Только все молодые мужчины потянулись в военкомат. Их никто не гнал, – шли добровольно. Зону реорганизовали: частично заключённых в штрафбат отправили, – кровью смыть вину перед Родиной. Территорию приспособили под госпиталь для раненых бойцов, которые стали поступать с первых же дней войны. Вот мы за ними и ухаживали. Не все девушки там работали, а только по желанию. Я ещё в техникуме была заместителем секретаря комсомольской организации. И тут как было отказываться?! Вела и общественную работу. Регулярно были бомбежки. В городе сразу организовали дружины ПВО (противовоздушные дружины): я была командиром такой дружины. Ночами лично много раз сбрасывала с крыш зажигательные бомбы.

Вскоре стали организовывать ополчение для защиты города. Я тоже записалась в ополчение. Там нас учили стрелять, ползать на животе, кидать учебные гранаты, в общем, обучали доступным военным премудростям... Ещё я состояла в комиссии, которая проверяла в общежитиях условия проживания детей: из близлежащих деревень их мобилизовали для обеспечения работы завода. Ребята по 12-14 лет – худенькие, в фуфайках, в валенках, грязные и голодные, но уже и токари, и слесари, стояли у станков на деревянных скамеечках. И удар-

но выпускали военную продукцию. Когда война кончилась, многие из них остались на заводе, стали квалифицированными специалистами.

В самом же госпитале были тяжелораненые бойцы. Операции им часто делали, а я крови-то боялась. Вот как-то пришлось и мне помогать врачу во время операции. И я вдруг упала. Тут уж и не знали, что делать, — то ли солдату рану зашивать, то ли меня поднимать. С той поры освободили меня от операций. Позже уж прислали нам специально обученную операционную сестру. Из дома приходили редкие письма. Пришло и от отца — единственное, в котором он сообщал, что находится в ополчении под Ленинградом. А потом мама писала, что о нём ничего не знает, а посторонние люди приходили, интересовались, не объявлялся ли он дома. Так, порой, проверяли, не дезертировали ли те, кого не досчитались после боя в части. Пропавших без вести на Волховском фронте были сотни. А война затягивалась. Обстановка ухудшалась: вскоре нас перестали кормить горячим, на сутки давали 500 грамм хлеба — и всё. Продукты покупать негде было, — кругом море да болото. Ох, стали мы голодать. Начались белковые оттеки — признак начала цинги. Иногда я с работы приносила кипяток и хлеб размачивала.

Потом выключили батареи и отключили водопровод. Нас начали гонять на заготовку дров, заставляли пилить, колоть, таскать бревна. А в комнате холод собачий был, хотя окна заделаны, ни одной щёлки. Светомаскировочные шторы мы шили.

Словом, очень трудно было. Я и слегла вначале 1943-го: на больничную койку попала с диагнозом — токсическая дизентерия. Повезло мне, ведь редко, кто выживал с таким диагнозом. И меня уже «похоронили»: вышла из больницы, а вещей никаких не осталось, разобрали соседи. Как их винить? Выживал каждый, как мог... Вернулась на работу, жизнь продолжалась. А тут весна, всё зеленеет, тепло. Молодость своё брала! Напротив общежития была казарма морпогранохраны. Молодые парни и девушки переглядывались, встречались, влюблялись — в редкие свободные минутки. И я полюбила чернявого, веселого Василия. Осенью поженились. А еще через месяц отправляли его к новому месту службы — в Архангельск. Отобрали его для службы в СМЕРШ (сокращенно «Смерть шпионам!»). Это была советская контрразведывательная организация в тылу. Ехал Василий пока в неизвестность...

Собралась в дорогу и я. Родом муж был из чувашской деревни Юваново. Написал письмо матери, чтобы встречали нового члена семьи – жену его молодую. Так и оказалась под Новый 1944 год впервые в Чебоксарах: в резиновых ботах, с пустым чемоданом. На руках лишь справка, что жена работника СМЕРШ. Остановилась в доме колхозника – на берегу Волги (сейчас это здание принадлежит мужскому монастырю). Пока дошло письмо, пока приехали за мной, почти неделю спала в коридоре, на стуле. Удивило меня то, что можно пойти на базар: продуктов разных там хватало. Были бы еще и деньги! Но с голоду не умерла, скромно питаться могла себе позволить.

Наконец, приехала за мной сноха, которая по-русски почти не говорила. В розвальнях целый день ехали, на соломе. Станет невмоготу от холода, вылезу, да бегом за лошадьё, пока согреюсь. Встретила меня свекровь радушно: самовар поставила, отпаивала мятным чаем с медом. На печь отогреться отправила.

Проснулась утром и сразу увидела в свете солнечных лучей женщину невысокого роста, в лаптях с обмотками, на голове темный платок и чувашский головной убор – шапочка. Вдовой она была: мужа Петра Назаровича Назарова еще во время революции убили. Был он лесничим в Заволжье и не позволил на своем участке сосны рубить. Сели мы друг напротив друга и стали говорить о том, как живет её Васли, – так называла она сына. Как-то легко в этой беседе и назвала я первый раз её мамой. Кроме Василия, был у Екатерины Ефимовны еще сын – Анисим. Танкист, который с боями прошел всю войну, Победу встретил в Берлине. Но до той радостной весны оставался еще долгий и кровопролитный год. А пока гостила я у новой родни в очень чистом доме, полы выскоблены добела. Несмотря на то, что в хозяйстве была скотина – 2 свиньи, 2 коровы. Впервые ела я маленькие пирожки с мясом, разогретые в топленом масле, – «кокыль». На всю жизнь запомнила я их вкус!

Вечером в дом пожаловали гости – близкие родственники, и устроили мне настоящие смотрины. Много чудесных вещей предлагали мне в приданое: и перины пуховые, и подушки. Но взять их мне было неловко. Да и увезти их всё равно не смогла бы. Лишь несколько домашних холстов легли в мой чемодан. Несколько последующих дней ходили мы со свекровью в гости

к соседям и другим знакомым: всем представляла она свою русскую образованную невестку — «майру».

За пару месяцев, которые провела я в Юваново, научилась я пряжу прясть, вязать. Сама себе теплые чулки изготовила. Помогала ухаживать за скотиной, убиралась в доме. И когда пришло в марте письмо от мужа, что можно и мне прибыть в Архангельск, новую родню я покидала с грустью. Ведь, практически, большую часть прежней жизни я провела по чужим углам да общежитиям, без домашнего тепла и уюта. Здесь же я почувствовала всё это. Собрали мне гостинцы: мяса большой кусок завернули в тряпицу просоленную, бутылку масла, сыр домашний — настоящее богатство! Кулёк гороха уже не помещался, так его высыпали просто между иных вещей. Так в пути и тарахтел он, словно погремушка. Что-то еще было во второй сумке.

Отвезли меня в Канащ, в поезд посадили. А в середине пути была проверка документов. Что-то не понравилось офицеру в моей справке, хотя и стояла там отметка сельсовета. Зачем так долго была в глубине тыла? Ссадили меня на какой-то станции. Пока выясняли что да как, поезд уехал. А следующего более суток ждать.

Мир не без добрых людей! Попутчик из вагона как раз выходил на этой станции, совершенно не знакомый человек. Он и предложил мне остановиться у него на две ночи. Хозяйке своей так и сказал: «Постоялицу временно привез». Он-то помог мне и вещи мои переложить: горох собрали, отдельно сложили, чтоб не гремел. Мяса кусочек отрезал — в счет оплаты за ночлег. Остальное уложил в отдельный ящик, который потом и сдали в багаж. Проводил в положенное время на поезд. Уж не помню имени и отчества его, но всегда вспоминаю с огромной благодарностью.

В Архангельске Василий меня не встретил. А когда добралась по адресу, огорошил вопросом: «Зачем приехала? Разве не получила письмо?» Оказывается, написал, что отправляют его в длительную командировку, в этот же день и отбыл. Только и успел багаж забрать, домой привезти его. Да пошутить, что поправилась на домашних харчах! Да шутка вышла не удачная. Оказывается, была я уже давно беременная, да не ведала о том. Кушать не хотелось, тошнило. Словом, столько мяса пропало. Есть некому было, а сохранить его впрок не умела. Жили на частной квартире, на улице Поморской.

Уже после того, как родился сын Александр (2 сентября 1944 г.) да вернулся муж, получили мы комнату в доме моряков на Петроградском проспекте. На работу устроилась по линии здравоодела, но в молочную кухню на центральной улице – им. Винокурова. Там и была, когда слышала громкую музыку, крики радости: по улице парадным маршем шли солдаты. Победа! Долго еще не верилось в это счастье: и холодно было, и голодно. Долго и трудно налаживалась мирная жизнь».

В 1949 году у Анны Константиновны и Василия Петровича родился сын Валерий. А еще через некоторое время мой прадед перевелся служить в Чувашию. Семья обустроилась в Чебоксарах, родился третий сын – Сергей. В конце 60-х Назаров В.П. возглавлял чувашский уголовный розыск. Вышел на пенсию, в 1967 году его не стало. Работа его в годы войны не подлежала обсуждению, но он имел правительственные награды, говорящие сами за себя: орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За Победу над Германией» и другие. И снова на плечи матери легла забота о трех детях. Старший – Алик (мой дедушка) только-только вернулся со службы в армии, и ему предстояла учеба в институте. Валерий получил аттестат, а Сергей еще был школьником.

И снова добросовестная работа на заводе, да еще – на 6 сотках, которые кормили много ртов. Ведь из деревни приезжали и жили у тетушки то один, то другой племянники. На всех хватало и доброты, и душевного тепла. Александр привел в дом молодую жену, родился у них Олег – мой папа, позже его сестра – Ольга.

Сергей окончил военное училище, обзавелся семьей. Разрослась и армия внуков – добавились Елена и Анна (вторая). Потом у Валерия сын родился – Максим. А еще через пару десятилетий пришла пора и моего поколения: у меня – Анны (третьей) есть родной брат Тимур, двоюродные и троюродные. Богата моя прабабушка: трое детей, пятеро внуков, семеро правнуков. Надеюсь, что она будет жить еще многие годы здоровой и счастливой. А мы постараемся оградить её от всяких невзгод.

Мирное небо над нами в эти дни охраняет Илья – мой двоюродный брат: он служит матросом на Северном флоте, недалеко от Северодвинска (бывшего Молотовска), который строила комсомолка Аня! Наши родители честно трудятся, чтобы процветала наша страна. А мы, младшие правнуки,

постараемся отлично учиться, чтобы тоже стать полноправными гражданами и принести пользу нашей великой России!

P.S.

Северодвинск – город (с 1938 года) в России. С 1996 года образует муниципальное образование «Северодвинск» Архангельской области в Российской Федерации, центр атомного судостроения России. Расположен возле Никольского устья Северной Двины у её впадения в Белое море, в 35 км к северо-западу от города Архангельска.

31 мая 1936 года Политбюро ЦК ВКП(б), Совет Труда и Оборона СССР на основании проведённых изысканий приняли постановление № 0-137сс о строительстве судостроительного завода в районе Никольского устья Северной Двины. Строительство было названо Судостроем. Стране был необходим крупный завод на побережье одного из морей Северного Ледовитого океана. Место в дельте Северной Двины было выбрано как наиболее защищённое с моря, благодаря узкой горловине Белого моря. Город располагается на болотистой местности, на которую был намыт песок с моря.

1 апреля 1937 года Постановлением ВЦИК новый населенный пункт при судостроительном заводе Приморского района Северной области получил свой официальный статус и отнесён к категории рабочих посёлков. В 1938 году Судострой получил статус города и имя «Молотовск» в честь советского партийного деятеля Вячеслава Молотова. Построены две улицы поселка Судострой, построены подсобные предприятия: бетонный завод, арматурный цех, механические мастерские, кирпичный завод, дизельные электростанции.

В 1938–1953-х годах существовал Ягринский исправительно-трудовой лагерь. Первоначально он размещался на острове Ягры, что дало ему название.

В военные годы город Молотовск совместно с Архангельском и Мурманском являлся одним из главных портов, принимавших грузы стран-союзниц по ленд-лизу. Молотовский порт нес большую тяжесть тех военно-транспортных операций.

Первая военная зима выдалась суровой, и навигация началась очень тяжело. Подготовка и обустройство причалов в Молотовске шли спешным порядком.

23 декабря 1941 года линейный ледокол «Иосиф Сталин» с большим трудом провел в Молотовск транспорты конвоя PQ-6.

Конвой PQ-6 оказался последним союзным конвоем, пробившимся через льды к причалам Архангельска и Мурманска в 1941 году.

В первый день лета 1942-го в Молотовск пришли два транспорта PQ-16. Они доставили танки, самолеты, взрывчатку, бензин и продовольствие. Молотовск, как и Архангельск, принял уцелевшие остатки разгромленного конвоя PQ-17.

К зиме 1942–1943 гг. положение на северных направлениях резко ухудшилось. Враг стремился перерезать Кировскую железную дорогу, – сухопутная связь с Мурманском тогда бы прерывалась. Молотовску (из-за тяжелых льдов на Северной Двине и мелководья ее русел) теперь отводилась главная роль в период зимних навигаций.

За лето 1942 года в Молотовском порту появился мощный кран для выгрузки «тяжеловесов», увеличены глубины на его акватории, выросла и линия причалов, один из которых оборудовали для бункировки ледоколов и пароходов углем.

Конечно, караваны союзников были несравнимо крупнее, как по составу и общему тоннажу судов, так и по силам охранения, но и наш Северный морской путь, во время войны продолжал работать на страну.

Северный морской путь продолжает успешно работать на Россию и сегодня.